

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ в поэме "Во весь голос" вещал о "шершавом языке плаката", подразумевая жёсткую и часто неудобную прямолинейность. Плакат — всегда аллегория, доступная для понимания. Главное — он должен быть визуально привлекательным, о чём бы ни шла речь — о борьбе за успеваемость или о покупке мыла. Привлекательность — не обязательно красота, но именно то, что фокусирует внимание создателя. Интенсивность, яркость, чеканность — вот критерии плакатного мастерства. Маяковский утверждал, что он "себя смирял, становясь на горло собственной песне", — дескать, хотелось писать лирику для Лилечки, а эпоха требовала: "Вперёд!" Его агитпроповский пафос и двустийшия для Моссельпрома оказались не менее дивными, чем любовные строки. А ведь поэт-агитатор ещё и рисовал! Создать плакат иной раз даже сложнее, чем картину, ибо он — концентрированная реальность, данная в символах. И — во весь голос!

Плакат как графическая форма появился с развитием прессы, ещё в XIX веке, — шло бурное становление производства и массовой торговли, а заодно множились партии, движения, идеи. Всё кричало о себе: "Купите! Вступайте! Читайте! Берите!" Шли десятилетия — менялись линии да по черки, на смену изящным отрисовкам приходила схематичность, а затем в моду вошло декоративное оформление.

Музею Москвы, где сейчас проходит выставка "Век в лозунгах и красках" с подзаголовком "Из истории московского плаката", уже не впервой адаптировать общую концепцию исключительно к теме столицы. Возникает вопрос: эти афиши и призывы бытовали в пределах одного города? Впрочем, это единственное замечание — экспонаты отлично подобраны и охватывают все стороны бытия. Встречаются и знаковые изображения, и те, что экспонируются довольно редко.

Очаровательны дореволюционные образцы — в них дух модерна с его прихотливыми виньетками и стремлением к изысканности. Тому пример — киноафиши, зазывающие на очередную ленту о роковой вакханке или о несчастной девице. "Где правда?" — вопрошали создатели драмы в пяти частях, а художник выдал изображение страдающей фемины. 1900–1910-е годы — всплеск товарной рекламы. Перед нами — плакаты, демонстрирующие пиво-воды завода "Карнеев", Горшанов и К^О" (Москва), конфеты "Утиные носы" Товарищества А.И. Абрикосова и сыновей, печенье от Эйнема. Всё — с величайшей выдумкой и с ненавязчивым юмором. Так, на рисунке "Мой первый шаг за печеньем "Эйнем" показана девочка, перепрыгивающая реку в направлении эйнемовской фабрики. Бутылки с пивом и газированными водами несёт аэроплан — а тогда все бредили воздухоплаванием. Спорт — наимоднейшее увлечение, и поэтому на объявлении "Московского общества велосипедистов" запечатлены идеальные мужчины 1900-х — атлетичные брютонеты с лихо подкрученными усами. Плакаты заявляют об эталоне — присоединяйся, и станешь не хуже.

Постреволюционные годы — это принципиальная, наступательно-дерзкая новизна. В понятие "старорежимный" вкладывается не только социально-политический смысл, но и культурно-эстетический. "Мы создали новые представления о красоте и расширили само понятие искусства", — утверждал Александр Родченко. Плакат 1920-х содержит громкое обращение, не терпящее отказа.

Столпы русского авангарда энергично включились в процесс переустройства галактики. Отличительная черта — лапидарность. Красный цвет лидировал. Это и революционный окрас, и пробуждающаяся агрессия нового мира. Потому-то пролетарий, громающий чёрно-белого буржуина, изображался алым. В экспозиции можно увидеть уникальный вариант — плакат, созданный Кузьмой Петровым-Водкиным. Массы идут на субботник, а вдали — схематичное и ярое солнце. Мощен и плакат Дмитрия Моора — люди в красных

одеждах у наковальни. Как пелось в те годы: "Мы кузнецы, и дух наш молод, / Куём мы к счастью ключи! / Вздвимаем выше, наш тяжкий молот, / В стальную грудь сильнее стучи, стучи, стучи!" Если ты молод — вот тебе молот.

Плакатный рабочий звал в прекрасное далёко, а чтобы его достичь, надо работать, в том числе над собой. Популярна коллажная техника, взятая у дадаистов, но если французские коллеги делали свои коллажи безо всякой мысли, то наши супрематисты-конструктивисты — Эль Лисицкий, Михаил Черемных и всё тот же Александр Родченко — вкладывали в них горячую идею. совме-

утончённое и уже напоминали манерную каллиграфию. Сталинская фраза "Жить стало лучше, жить стало веселее" стала отправной точкой. В афишах, рекламе и даже призывных слоганах появился лёгонький налёт буржуазности. На деле же советский человек получил право на зажиточную жизнь, поэтому девушки из рекламы "нежных крабов", парфюма "Сирень" и пудры "Белая ночь" выглядели как типичные красотики 1930-х, и в них не наблюдалось ничего сурово-пролетарского.

На плакате, созданном Галиной Шубиной, который так и называется "Жить стало лучше, жить стало веселее", демонстрируется первомайское

ВО ВСЕГ ГОЛОС!

Выставка агитационного и коммерческого плаката в Музее Москвы

щение фото и рисунка давало ощущение жизни и бурлящего потока.

Особая страница — реклама товаров. Вот — совместные творения Родченко и Маяковского. "Нигде, кроме как в Моссельпроме" — этот манифест государственного пищевого треста выступал символом качества и доступности. Цель — отучить потребителя от частников. Не менее интересен плакат Нижегородской ярмарки, выполненный Яковом Рубанчиком, — этакое созвучие дореволюционной "изящной" манеры с лозунговыми конструкциями 1920-х, словно бы перекинут мостик от купеческих торжищ к кооператорской

гуляние около Большого театра. Молодёжь весело танцует, а вечер подсвечен фейерверками и роскошными гирляндами.

Вместе с тем враг не дремал, и потому возникло предостережение: "Болтун — находка для шпиона". В экспозиции явлен знаменитый плакат Николая Денисова и Нины Ватолиной с лаконичным приказом "Не болтай!" и стихами Самуила Маршака: "Будь начеку! В такие дни / Подслушивают стены. / Недалеко от болтовни / Сплетни до измены". Он появился летом 1941 года, в самом начале войны. Женщина в красной косынке прикладывает палец к плотно сжатым губам.

Мирный труд как продолжение воинского подвига. Советский послевоенный плакат. Художник Виктор Корецкий. 1948 г.

торговле. На плакатах 1920-х постоянно звучит слово "смычка" — знак единения города и деревни, спецов-инженеров с цеховым руководством или, как здесь, промышленности с кооперацией.

Ближе к середине 1930-х кардинально изменились предпочтения, а если брать искусство в целом, то авангард уступил место неоклассике. Трансформировался и плакатный почерк — вплоть до шрифтов, которые сделались мягче,

Трагическая и победоносная веха отражена в плакатах, повествующих об обороне Москвы. Примечательно, что наш воин изображался со всем реализмом — высок, строен, белокур, тогда как фашисты рисовались чертами или антропоморфными чудиками, несущими смерть. Подразумевалось, что идёт битва не с обычным врагом, а с исчадиями ада, как на плакате Николая Москалёва "Прочь от Москвы, фашистская гадина!".

Данный материал касается весьма локальной темы: одной маленькой стлечной галереи. Однако на описанном ниже примере, как в увеличительное стекло, можно разглядеть проблемы более общего порядка. Первая проблема — это, как всегда, кадровый вопрос. Кто и по каким критериям в нашей стране назначает руководителей учреждений культуры? Откуда берутся те, кто призван профессионально "рулить культурой", то есть напрямую влиять на сознание наших граждан? Россия сегодня — это поле битвы смыслов и концепций. Русский народ, как витязь, снова стоит на распутье, и от того, куда он направится, зависит судьба нашей тысячелетней цивилизации. И здесь мы обращаемся к более глубокой теме: кто отвечает за реализацию культурной политики государства? Существует ли критерий оценки и мера ответственности чиновников в этой сфере? Кто и как должен определять, согласуется ли та или иная культурная инициатива с задачами государственного строительства и общественного развития?

В РЕДАКЦИЮ газеты "Завтра" пришло письмо от жителей московского района Измайлово, которые больше не хотят видеть, как местный выставочный зал — галерея "Измайлово" (а это, на минуточку, государственное бюджетное учреждение, одна из городских площадок Москвы) — превращается в культурно-эстетическое гетто с декадентским духом.

В этом письме поднимается, увы, актуальная сейчас тема "большого искусства". Когда вместо одухотворённого, возвышающего человека произведения на зрителя низвергается, как пишут жители, "гниль, грязь, некрофилия, разлука и упадок". Это когда случайный посетитель, беспечно забежавший на огонёк в безобидное выставочное пространство, вдруг проваливается в сумрачный мир искорёженной психики авторов, вероятно, специально подобранных для продвижения эстетики депрессии и мрака. Редакции газеты хорошо известно, что существует целая индустрия по продвижению подобного контента. **Общество как бы парализует при помощи уныния и уродства. Это мы отлично помним по опыту 1990-х годов.** Дело инаогента и террориста Марата Гельмана цветёт и пахнет. Это не поиск новых форм, не дерзкий эксперимент и даже не эпатаж ради популярности и денег. Это идеологически выстроенная системная подмена: вместо катарсиса — тошнотворный спазм, а вместо художественного содержания — липкая мерзость, которую, словно в насмешку, пытаются выдать за глубокий взгляд на мир.

Вот работы художницы Суворовой, якобы переосмысляющие "тему грехопадения и утраты бессмертия", которые экспонировались в галерее "Измайлово". На полотнах цветы, птицы, насекомые вперемешку с черепами и человеческими органами. На сайте галереи по сему поводу говорится следующее: "Сад Александры Суворовой — это лаборатория современной науки, где учёные способны выращивать органы человеческого тела, даряя таким образом человеку новый шанс если не обрести вечную жизнь, то существенно её продлить". Организаторы выставки пытаются нас уверить, что художница пропела гимн научному прогрессу, однако задорная аннотация не вяжется с содержанием выставки. Если в классическом голландском натюрморте мы наблюдаем диалог времени и материи, когда бренность перевоплощается в вечность, то здесь главный герой — смерть. Что подтверждает показанный на этой выставке арт-объект: жёлтый череп в венке из голубых цветов, водружённый на стопку книг — верхняя

из которых повёрнута к зрителю корешком: "История русского искусства", издательство Академии наук СССР.

По изначальному замыслу автора, цветы на черепах меняли цвет. "Где-то через час эти абсолютно белые цветы станут синими", — рассказала художница на открытии выставки. "Это своего рода болыничный цвет", — уточнила Суворова. "Я очень прошу вас принюхаться", — попросила она публику. Оказывается, в помещении был разбрызган аромат "Блэк афгано" ("Чёрный афганец") от "Насоматто". На сайте продавца существует описание этого

На выставке "О/дереве/нение" зрителя встречала безглазая деревянная девочка, прижимающая к себе ободранного медвежонка. Чуть поодаль — доски с нарисованными ступнями и ржавыми гвоздями. Мы сталкиваемся как бы с инсценировкой агонии. По сути, это травма, которая даже не переживается, но консервируется и выставляется на всеобщее обозрение. Она как заспиртованный плод в кунсткамере. Короче говоря, билет на выставку — это пропуск в чужие кошмары. Маркировка 0+. То есть маленькие люди будут смотреть на "мёртвую" девочку, на орудия пыток, на расстрельные списки. Им скажут: "Это искусство, детка! Запоминай, впитывай..." Что они вынесут из этого зала? Уважение к смерти или невроз?

Нынешняя весна принесла в "Измайлово" "Пустое пространство", что неудивительно. Урбанистические пейзажи, на фоне которых — грязные скрученные тряпки, мусор и кровавая слизь. Арт-критик, обслуживающий это действо, вещает оптимистично: "Движение от пустоты к множеству частиц". Нам пытаются продать глупую идею, что мусор и бессмыслица — это и есть постмодерн.

Примечательна фигура директора галереи — певицы и музыканта Марии Сикириной. Как выяснилось из её интервью глобальному еврейскому онлайн-центру, её творческий псевдоним — Марыся Злобек. Вот цитаты из этого интервью: "После университета я занималась всем подряд, была даже помощником садовника, например. Потом довольно долго работала в разных ипостасях с текстами: как автор, редактор и даже как корректор где-то полтора года. Потом я случайно попала в музейную сферу; тоже работать с текстами, но в музее. Это оказался Политехнический музей, где было очень интересно — со многими классными людьми оттуда я продолжаю общаться. Так меня постепенно вынесло туда, где я сейчас, — в маленькую галерею, часть большого объединения".

Всё понятно: случайный человек, явно не на своём месте. Злобек, которую "вынесло" в Измайлово, явно бравирует своей профнепригодностью, сообщая посетителям официальной страницы галереи, что её кредо в искусстве — "счастье и наглость быть субъективной". Она же пишет в своих соцсетях: "Я никогда не приму ценно-

некомпетентное руководство. Однако всё не так просто: назначал-то Злобек на должность галеристки вовсе не Алексей Фурсин, а его предшественник Александр Кибовский, искусствовед, целый академик Академии художеств. С другой же стороны, в самой Академии художеств сидит сейчас в качестве руководителя не то внук, не то племянник Зураба Церетели — Василий Церетели: член Российского еврейского конгресса, кавалер испанского Ордена Гражданских заслуг, кавалер французского Ордена Искусств и литературы, офицер Королевского Ордена Изабеллы Католической, а также заслуженный деятель искусств Российской Федерации, получивший звание за большой вклад в развитие отечественной культуры и искусства и многолетнюю плодотворную творческую деятельность. В чём заключается творческая деятельность племянникового внука одиозного Зураба — неведомо никому. Из творческих профессий, по слухам, ближе всего ему занятие фотографией. Впрочем, никакие суперкомпьютеры за много лет фотографирования Церетели-младший на общественный суд не представил.

КТО В ИТОГЕ отвечает за культурную политику в современной России? Кто решает столь важный вопрос кадров? В сталинском Советском Союзе этими вопросами занимался заместитель заведующего отделом культуры и пропаганды, заведующий отделом культпросветработы (по совместительству — оргсекретарь Союза писателей СССР) гениальный Александр Сергеевич Щербаков. А также его главный патрон, сын профессора богословия, заведующий управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Андрей Александрович Жданов, небезосновательно считавший, что буржуазная культура находится в состоянии маразма и расщепления. Впрочем, он не исключал и наличие злого умысла. Вот крохотная выдержка из одного его выступления: "Есть модные "теории", которые утверждают, что патологическое состояние человека есть некая высшая форма и что шизофреники и параноики в своём бреду могут доходить до таких высот духа, до которых в нормальном состоянии обычный человек никогда дойти не может. Эти "теории", конечно, не случайны..."

В современном законе об "Основах государственной культурной политики" сказано: "...ряд недружественных государств, международных организаций и транснациональных корпораций, иностранных неправительственных организаций, а также различные экстремистские и террористические организации ведут деятельность, направленную на подрыв культурного суверенитета Российской Федерации, разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей..."

Что ж, мрачный феминистический паноптикум в галерее "Измайлово" — это маленькое чернильное пятно, но оно указывает на присутствие в нашей культуре щупалец колоссальных размеров каракатицы, чьё туловище находится далеко за пределами нашей страны.

Алексей ГОНЧАРОВ

ЧУЖИЕ КОШМАРЫ

О культурной политике (вернее, её отсутствии) на примере одной московской галереи

нишевого парфюма: "Аромат стремится передать высшее качество гашиша, раскрывая его характер и глубину. "Блэк афгано" — результат поиска ощущений, способных вызвать состояние кратковременного блаженства". Примечательно и то, что "мультимедийный художник" Александра Суворова с 2022 года проживает в городе Лондоне, так указано на её личном сайте.

Погружаясь в серию Елены Науширвановой "Сущности" из проекта "Граница", невольно вспоминаешь альбомы с рисунками пациентов психиатрических клиник. Искусство душевнобольных — это отдельный, безусловно, важный пласт культуры, но важно понимать: это медицинский материал, свидетельство болезни, а не художественное высказывание, адресованное широкой публике. Эти работы помогают самим авторам — как арт-терапия. Но когда мы выносим их в публичное пространство без кураторского комментария, без защитного барьера, мы делаем зрителя, так сказать, соучастником чужого психоза.

Но есть вещи, которые не лечатся вовсе. Таков проект "Память тела". От него веет загробным холодом. Здесь нам предлагают не просто созерцать, но и впитывать чужую боль. Центральный экспонат — рубище из мешковины, по которому разбросаны обрывки слов, выбитых на печатной машинке. Фрагменты складываются в страшную, неумолимую фразу: "Необоснованно расстрелян". И сразу воздух в зале становится спёртым, как в редакции журнала "Огонёк" времён Виталия Коротича.

Тяжёлые болезненные впечатления оставила экспозиция, открывшаяся в галерее "Измайлово" летом в рамках проекта "Ну, выждоравливайте!" "Интерьеры больниц могут вызывать чувство тревоги, но не стоит останавливаться на фиксации этого ощущения. Нужно двигаться дальше в самоанализе, ведь человек оказывается здесь для спасения и/или продления жизни. Поэтому столкновение с медицинской в идеале — движение через страх, неопределённость и побочные эффекты к желанному исцелению и новому взгляду на вещи", — проникновенно сформулировано на сайте галереи. Что ж, побочным эффектом в данном случае является экзистенциальная тоска, которая захлёстывает зрителя с головой.

"Этой выставкой мы надеемся не расстроить вас... Эта выставка о человеке и простой, но бесценной человеческой жизни в одном из её важных аспектов — без сахара. Как есть", — написала в своих соцсетях руководитель выставочного зала "Измайлово" Мария Сикирина. "Не расстроить" всё-таки не получается. Человек с некрепкой психикой рискует получить обострение своих недугов. Впрочем, тягостное ощущение после посещения экспозиции будет преследовать и вполне здоровых.

Так в чём главное назначение галереи "Измайлово"? Так и хочется им крикнуть: "Хватит кормить нас своими унылыми большими фантазиями под видом современного искусства! Мы, пройдя через морок бренеров и гельманов, имеем право видеть свет!"

сти нашего общества, а вот большинство мужчин и женщин их принимает. Неприятные люди. Да ну их".

Почему многочисленные обращения "неприятных людей" в Департамент культуры города Москвы ни к чему не приводят? Наверное, пока в галерее не начнут откровенно служить чёрную мессу с человеческими жертвоприношениями, никто не зашевелится!" — с горькой усмешкой отмечает житель района Измайлово.

Лев Толстой в своём трактате "Что такое искусство" писал: "И как происходит эволюция знаний, то есть более истинные нужные знания вытесняют и заменяют знания ошибочные и ненужные, так точно происходит эволюция чувств посредством искусства, вытесняя чувства низшие, менее добрые и менее нужные для блага людей, более добрыми, более нужными для этого блага. В этом назначение искусства".

Алексей Фурсин, глава Департамента культуры при правительстве Москвы (тот, кому идут потоком жалобы на Сикирину-Злобек), по всему видно, — сильный профессионал, но в области землемерия. Толстовская "эволюция чувств" его, возможно, вообще не интересует. Фурсин окончил институт по землеустройству, карьеру начал в Госкомземе РФ, затем работал в Росимущество. В Правительстве Москвы он занимал должность главы Департамента науки и промышленности, руководил Департаментом предпринимательства и инноваций. Только в 2023 году возглавил вдруг Департамент культуры. Казалось бы, вот в чём причина упадка —